

Ольга Егошина

Скрипка Давида

История «Матросской тишины» Александра Галича выделяется даже на фоне непростых судеб драматических произведений, которыми богата отечественная сцена. Сам Галич написал отдельное произведение «Генеральная репетиция», где в подробностях воссоздал не только роковой день генеральной репетиции, но путь создания пьесы и свой собственный путь к ней. Первые три действия он написал сразу после войны, четвертое – после XX съезда.

Никому из театров Галич пьесу не предлагал, Олег Ефремов вышел на него сам. «Матросской тишиной» (Ефремов предложил название «Моя большая земля») вместе с пьесой Виктора Розова «Вечно живые» предполагалось открыть новую студию МХАТ.

Увы, уже во время репетиций что-то стало меняться. Как пишет Галич, «Нигде никто ничего не говорил прямо – а, так сказать, не советовали, не рекомендовали, предлагали одуматься! И вот – перестали сколачивать декорации, прекратили шить костюмы, помрежи отобрали у актеров тетрадочки с ролями, режиссеры-постановщики спрятали экземпляры пьесы в ящики письменных столов»¹. Отменились репетиции в Ленинграде и в Алма-Ате. Студенты Школы-студии и их педагог Ефремов продолжали «на что-то надеяться. То ли на высокое покровительство Московского Художественного театра, то ли на малопонятную упрямую поддержку пьесы партгоргом ЦК при МХАТе Сапетовым, поддержку, за которую он впоследствии схлопочет “строгача” – строгий выговор с предупреждением за потерю бдительности и политическую близорукость. Но, быть может, самой главной основой надежды, основой основ было то, что никто из нас – ни я, ни студийцы – не могли понять, за что, по каким причинам наложен запрет на эту почти наивнопатриотическую пьесу»².

Наивного патриотизма в «Матросской тишине», безусловно, хватало. Но было и другое, о чем Галичу прямым текстом скажут в начальственном кабинете вскоре после генеральной репетиции: «Вы что же хотите, товарищ Галич, чтобы в центре Москвы, в молодом столичном театре шел спектакль, в котором рассказывается, как евреи войну выиграли??? Это евреи-то!»³.

Разговор с чиновницей описан в «Генеральной репетиции» с той же дотошной детальностью, создающей ощущение кафкианского кошмара, с какой описаны все четыре акта генеральной. Зал на полторы тысячи мест, в котором сидит человек пятнадцать. Реплики присутствующих. Одинокая фигура Товстоногова. Страдающие насморком министерские чиновницы – Соколова и Соловьева. Тогдашний директор МХАТа и будущий замминистра культуры Солодовников. Юный студент в антракте: «Милое мальчишеское лицо Табакова блестело от пота. Он подбежал ко мне и проговорил задыхающимся, плачущим голосом:

— Александр Аркадьевич, ребята просят... Ну, вы поговорите там с кем-нибудь!

— С кем, Олег? – изумился я.

— Ну, я не знаю... Ну, с этими – Соколовой, Соловьевой, черт их там разберет!»⁴.

Разговоры были бесполезны. Все было решено.

Сам Табаков так и не смирился с этим первым в жизни тупиком. Годы и десятилетиями вынашивал мысль о возвращении к «Матросской тишине». Уже не стало ее автора. Но «наивнопатриотическая пьеса» с таким непростым контекстом не отпускала. Тридцать лет лежала она в письменном столе Табакова. В своих воспоминаниях он пишет: «Мне хотелось вынуть этого сильно залежавшегося в моем чреве младенца»⁵.

Став ректором Школы-студии МХАТ, он предложил взять для студенческих отрывков финал пьесы Галича. Один из двух участников Владимир Машков вспоминает: «Я отлично помню экзамен, на котором мы с Филиппом показывали наш отрывок. Мы не видели ничего вокруг и не сознавали, что творится с нашими зрителями, потому что были полностью поглощены работой, которая, как оказалось потом, произвела на людей большое впечатление. Самого Олега Павловича живая реакция зрителя вдохновила на следующий шаг. То есть изначально, выставляя нас в отрывке, он еще не был уверен в том, можно ли будет доверить нам эту бесценную пьесу, и Табакову нужна была опора в лице зрителя, который либо отвергнет то, что мы ему показываем, либо примет это и поверит. Нам поверили, и после экзамена Олег Павлович принял решение поставить “Матросскую тишину” в качестве дипломного спектакля на нашем курсе»⁶.

Летом 1988 Табаков выпускает «Матросскую тишину» со своими студентами-третьекурсниками. К моменту выпуска спектакль будет сыгран 50 раз.

Любопытно, что в том же 1988 Олег Ефремов отдает долг еще одному автору, обиженному партийной цензурой и Художественным театром, – на сцене МХАТа появляется «Кабала святош» Михаила Булгакова (Табаков сыграет в постановке Адольфа Шапиро одну из лучших своих ролей – слугу Бутона).

Вопреки поговорке о добрых намерениях – возратить долг памяти – и на большой сцене МХАТа, и на малой учебной сцене Школы-студии МХАТ вымостили путь к спектаклям-событиям, спектаклям-открытиям. «Кабала святош» стала чуть ли не самой популярной постановкой Художественного театра конца 80-х. Партнерство О.Н. Ефремова (Мольера) и И.М. Смоктуновского (Людовика) вошло в хрестоматии актерской игры.

«Матросская тишина».
Театр Олега Табакова.
В. Машков – Абрам Шварц.
Фото К. Бубенец

«Матросская тишина» Александра Галича для «Табакерки» всегда была понятием особым и отдельным. Ее называли талисманом театра, его «Чайкой». С этой пьесой театр объездил весь мир. Через нее так или иначе прошли все знаменитые ученики Табакова – Евгений Миронов, Сергей Безруков, Ольга Блок-Миримская и др. Когда Табаков в 2016 вернул спектакль в репертуар «Табакерки» и открыл им новую сцену на Сухаревской, – зрители буквально затроллили Федора Лаврова (Абрам Шварц) и Павла Табакова (Давид Шварц) сравнениями с исполнителями легендарной постановки конца 80-х.

Студенческий спектакль предъявил новых лидеров русской сцены. Камертоном называли Владимира Машкова, сыгравшего возрастную драматическую роль Абрама Шварца. Сам актер называет эту работу огромным куском своей биографии. Но признается, что когда спектакль решили включить в афишу «Табакерки», он был уверен, что роль у него заберут: «На момент выпуска из Школы-студии МХАТ мы сыграли “Матросскую тишину” не менее пятидесяти раз. Но студенческая работа, пусть даже такая успешная, как наша, – это одно, а вот спектакль в репертуаре молодого, но уже очень известного московского театра – совсем другое. Это иной профессиональный уровень. Я был абсолютно уверен, что Олег Павлович будет играть роль Абрама Шварца в театре сам, а мне, может быть, потом даст какую-то возможность. Но он принял другое решение и сразу же отдал эту роль мне»⁷.

Владимир Машков сыграл спектакль более двухсот раз. «Матросскую тишину» сняли с репертуара из-за того, что актер покинул страну для съемок в Голливуде. Когда после смерти О.П. Табакова ему предложили возглавить «Табакерку», он согласился, чтобы отдать долг памяти Учителю. И поставил, прежде всего, перед самим собой цель: превратить «Табакерку» в Театр Олега Табакова (ТОТ), а пространство на Сухаревке в тот театр, о котором учитель мечтал. Возобновление «Матросской тишины» с новым составом исполнителей стало частью этой масштабной задачи.

Думаю, что Машков многократно прокрутил в голове все максимумы о невозможности дважды войти в одну реку и выслушал все советы на тему «не возвращаться к былым возлюбленным». Тем не менее, после почти двадцатилетнего перерыва он рискнул снова выйти на сцену.

Машков ставил на кон собственную актерскую репутацию да и свой авторитет нового худрука. Как вспоминают участники спектакля, он волновался едва ли не больше, чем самые юные исполнители.

В «Матросской тишине»-2019 заняты трое «детей “Табакерки”» – Алина Петрова (Таня в детстве), Ростислав Бакланов (Давид в детстве) и Мария Шумилова (Хана в детстве) – двенадцать, тринадцать и четырнадцать лет соответственно. Дети актеров и служащих театра, они относились к репетициям с ответственностью, которая впечатлила даже опытного завлита. «Ростислав отказывался уехать со “Скорой помощью”, хотя ему было совсем плохо – тяжелый желудочный грипп. “У меня же репетиция!” – объяснял врачам, – и только настоятельные просьбы партнеров помогли убедить этого стойкого маленького солдата...». Владимир Машков заметил, что это дети – «воспитанные в вере Подвала и в уважении к этому месту. Они пришли сюда заниматься делом, которое любят с колыбели. Они прекрасны и осмысленны, собраны и ответственны. <...> Счастье, потому что в наше дело вступают наши. А это значит, что все продолжается»⁸.

В спектакле заняты три выпускника Школы Олега Табакова, принятые в труппу летом 2018 г.: Владислав Миллер (Давид), Ангелина Пахомова (Таня) и Павел Чернышев (Женька). А также премьеры труппы – Сергей Беляев (Мейер Вольф), Андрей Смоляков (Чернышёв), Сергей Угрюмов (Митя Жучков), Яна Сексте (Роза Гуревич).

В далекие пятидесятые для Олега Ефремова пьеса Галича, как и пьеса Розова, была свидетельством очевидца только что отгремевшей войны. Актеры играли своих отцов и братьев, ушедших на фронт.

«Матросская тишина». Театр Олега Табакова. В. Миллер – Давид. В. Машков – Абрам Шварц. А. Смоляков – Чернышов. Фото К. Бубенец

Относились к персонажам с той любовью и трепетом, с каким младшие братья смотрят на старших, пытаясь «быть похожими».

В конце 80-х Олег Табаков будет рассказывать своим студентам не только о репетициях 1955 г., но и о своем военном детстве, о семье деда Андрея Францевича Пионтковского, чье имение находилось «в черте оседлости», поэтому быт маленьких городов со значительной частью еврейского населения был им знаком. Позднее про исполнителей-студентов напишут, что они смогли стать «современниками Галича».

В постановке 2019 «Матросская тишина» прочитана как притча из далеких баснословных времен. Спектакль вполне можно было бы начать словами: «Давным-давно много лет назад в городе Тульчине»...

История пути на Голгофу Абрама Шварца и его сына Давида рассказана с той правильной интонацией семейного предания, которое передается от отца к сыну, от мамы к дочке. Черты действующих лиц расплылись в пролитых много раз слезах, но от этого стали только роднее.

Прежняя аскетичная декорация Александра Боровского стильно смотрится на преображенной сцене Сухаревки. Комнатки Шварцев легко трансформируются в блоки студенческого общежития, потом в отсеки санитарного поезда. Пространство свободно от натуралистического реквизита и оставляет много воздуха актерам.

Перед исполнителями стоит тяжелая задача-вызов переключения из бытового регистра в бытийственный. Найти эту небытовую правду пока удастся немногим. Слишком приблизительны молодые исполнители ролей Давида, Тани, Ханны. Слишком подчеркнута натуралистичны Яна Сексте и Сергей Беляев. Точная «сказовая» интонация далась Андрею Смолякову, играющему правильного-правильного сотрудника органов Чернышѐва (хотелось Галичу, чтобы в органах были именно такие люди).

Но спектакль держится и держит планку, прежде всего, благодаря исполнителю главной роли Абрама Шварца – Владимиру Машкову. Именно на гнев и слезы, на скорбь и мудрость «Лира из Тульчина» реагирует зал, то смеющийся, то плачущий, то сжимающий кулаки.

Владимир Машков ведет роль Абрама Шварца плавно. Медленно-медленно захватывая зрителя течением истории. Кажется, все понятно с таким вот Шварцем с первой минуты. А потом застываешь в удивлении перед глубиной и мудростью местечкового бухгалтера.

Жулябия, тихий алкоголик, Абрам Шварц из-под полы приторговывает подворованным товаром и мучает сына игрой на скрипке, в пьяном виде разбивает ему нос. Две страсти в его жизни – коллекционирование открыток из дальних стран и мечты, как Додик станет известным скрипачом.

Мечтать, – мы все знаем, – не вредно. А за «сбычу мечт» жизнь берет высокую цену. Давид будет учиться в консерватории в Москве и играть перед большим залом. А отцу придется пережить момент, когда он поймет как сын стыдится его самого, как мечтает навсегда вычеркнуть из памяти город Тульчин. И разбитый нос. И вороватого папашу.

Вглядываясь в сына, который до отчаяния расстроен его приездом (а ведь не виделись несколько лет!), Абрам Шварц съезживается на глазах. Вдруг садится голос: «Я должен был это предвидеть!.. Я обязан был это предвидеть!.. У мальчика хорошие дела. Его навещают большие люди. И вдруг является старое чучело из Тульчина и говорит – здравствуйте, я ваш папа, кушайте чернослив! Идиот! Мне просто очень хотелось, Додик, посмотреть – как ты живешь и какой ты стал! И послушать, что о тебе говорят... И погордиться тобой... Мне хотелось сидеть в зале, когда ты играешь, – и чтобы все показывали на меня пальцем и шептали – это папа Давида Шварца! Идиот! Кому это важно – чей я папа!.. Не сердись на меня, милый, я завтра уеду, обещаю тебе...»⁹.

И уходит – как выясняется, навсегда.

Люди строят планы. Боги смеются над их расчетами. В Тульчин придут фашисты. Освобождать город будет лейтенант Давид Шварц, который тогда и узнает, как убили его отца вместе с остальными евреями городка.

Последняя встреча с сыном пройдет в сновидении смертельно раненного Давида. Качаются стены санитарного поезда. И Абрам Шварц рассказывает, что не стал покорно ждать, пока их выстроят для расстрела у стенки, а ударил скрипкой своего соседа, который стал пособником фашистов: «Я вдруг ужасно рассердился... И на этого Филимона, и на немцев, и даже на самого себя! Ну, почему я стою в грязи с опущенной головой, и почему мне страшно, и почему у меня дрожат руки... И тогда я поднял твою скрипочку, твою “половинку”, на которой ты учился играть упражнения Ауэра, и подбежал к господину Филимону, и ударил его этой скрипкой по морде, и даже успел крикнуть – когда вернутся наши, они повесят тебя, как бешеную собаку!»¹⁰.

В спектакле 2019 г. не играют последний акт пьесы. Согласно законам притчи театр решил оставить историю недоговоренной, предпочтя жирному восклицательному знаку – вздох-многоточие...

Простая, понятная и такая человеческая история – любви и потерь, предательства и мученичества, – оказывается явно необходимой зрительному залу, который долго не отпускает актеров, люди аплодируют и кричат «спасибо»! Хотелось бы верить, что благодарят именно Абрама Шварца за то, что он был в такой разной истории нашей большой страны.

¹ Александр Галич. «Генеральная репетиция». М.: Советский писатель, 1991. С. 342.

² Там же. С. 343.

³ Там же. С. 385.

⁴ Там же. С. 362.

⁵ «Матросская тишина». М.: Театр Олега Табакова, 2019. С. 35.

⁶ Там же. С. 40.

⁷ Там же. С. 43.

⁸ Там же. С. 45.

⁹ Александр Галич. «Генеральная репетиция». С. 375.

¹⁰ Там же. С. 388.